
Криминалистические проблемы исследования и оценки заключения молекулярно-генетической экспертизы в судебном разбирательстве уголовных дел

Федина Анастасия Владимировна,

студентка

Сыктывкарского государственного университета
имени Питирима Сорокина

E-mail: anastasiasgu@gmail.com

В данной статье автор анализирует проблемные аспекты, возникающие перед участниками уголовного процесса в ходе исследования и оценки в судах заключений экспертиз, связанных с применением в доказывании метода ДНК-анализа. Автор делает вывод о необходимости совершенствования правовой базы, тактических рекомендаций, касающихся представления суду, а также присяжным заседателям по делам об убийствах и изнасилованиях.

Ключевые слова: уголовное дело, доказательства в уголовном процессе, молекулярно-генетическая экспертиза, судебное разбирательство, экспертиза, ДНК-анализ, уголовный процесс.

ДНК-анализ или, как его еще называют: генотипоскопия, генная «дактилоскопия», генетическая экспертиза является одним из биометрических способов идентификации личности, который широко применяется в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Молекулярно-генетическая экспертиза обладает высокой значимостью в вопросах установления личности и доказывании вины обвиняемого в судебном разбирательстве уголовных дел, а также имеет важную роль в поиске и идентификации граждан в случаях крупномасштабных катастроф, аварий в условиях гнилой трансформации, расчленения, скелетирования и обугливания.

В настоящее время расследование многих уголовных дел, которые связаны с преступными посягательствами на личность не обходятся без применения ДНК-анализа. Вместе с тем, необходимо понимать, что этап сбора доказательств на стадии предварительного следствия при формировании материала уголовного дела — не единственная область применения криминалистических знаний. Окончательное решение в рамках уголовного дела принимается судом.

Метод ДНК-анализа порождает некоторые вопросы, но не вызывает сомнений сам вид исследования, как организационные, технические и иные особенности назначения и производства подобных экспертиз.

Так, традиционным и устоявшимся в криминалистической литературе является мнение, что при расследовании изнасилований и убийств установление принадлежности следов биологического происхождения конкретному лицу может иметь решающее значение в установлении личности потерпевшего и доказывании вины обвиняемого. При обосновании причастности лица к совершенному преступлению данное суждение нельзя признать верным.

В связи с указанным, одной из проблем является отсутствие регламентации в законодательстве Российской Федерации обязанности устанавливать природу объекта, в котором эксперт выявил ДНК. Обязан ли эксперт при производстве первичной молекулярно-генетической экспертизы устанавливать природу объекта, в котором он выявил ДНК? Мнения по данному вопросу расходятся у экспертов и юристов.

Первые основывают свое мнение на положениях Уголовного-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). УПК РФ допускает, что найденная ДНК составляет основу даже в случае, когда эксперт не смог установить ее источник. Опираясь на пункт 4 части 3 статьи 57 УПК РФ, эксперт вправе давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования. Вместе с тем нет нормативных правовых актов, указывающих на обязанность установления природы следа биологического происхождения и его видовую принадлежность, и лишь потом выделять ДНК. При выделении ДНК эксперт-генетик в случае маленького пятна на объекте не отдает приоритета установлению природы следа.

Вторые опираются на положения статьи 16 Федерального Закона от 31.05.2001 № 73 — ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», которые устанавливают обязанность эксперта на составление мотивированного письменного сообщения о невозможности дать заключение направить данное сообщение в орган и лицу, которые назначили судебную экспертизу, если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, объекты исследований и материалы дела не пригодны или не достаточны для проведения исследования.

По причине отсутствия в законодательстве Российской Федерации единой позиции по указанному вопросу возникает проблема правового характера.

На примере можно разобрать случаи, когда на одежде потерпевших в изнасиловании установлено отсутствие следов спермы по результатам судебно-биологической экспертизы. В качестве вывода в заключении молекулярно-генетической экспертизы по указанной категории дел чаще всего используются формулировки: «Из следов биологического материала на плавках потерпевшей получена геномная ДНК. При анализе следов установлен мужской генетический пол. Дальнейший анализ по системам идентификации выявил набор генетических признаков, свойственный генотипу подозреваемого» или «При судебно-биологическом исследовании на плавках потерпевшей обнаружены следы биологической природы, разновидность которых (кровь, сперма и прочее) установить не представилось возможным. *Однако из следов биологического материала неустановленного происхождения на трусах потерпевшей получена геномная ДНК. При анализе следов установлен мужской генетический пол*».

Таким образом имеют место две противоречащие друг другу формулировки: «природа следов не установлена» и «следы биологического материала неустановленного происхождения».

Представляется допускаяющей различные толкования формулировка — «неустановленное происхождение», к тому же, она не соответствует полученным результатам и порождает неясность в последующем допросе эксперта.

Проблема правового характера связана с содержанием вопросов, которые ставятся перед эксперту следователем. В указанном случае эксперт не устанавливает природу вещества (следа), определяет наличие ДНК — молекулы, принадлежащей обвиняемому, тогда как перед экспертом был поставлен вопрос: «Имеются ли на представленном объекте следы спермы, если имеются, то какова генетическая характеристика?». В данном случае можно говорить о проблеме экспертной инициативы, которая также может быть истолкована в контексте экспертной ошибки или сознательного выхода экспертом за пределы своих прав. Необходимы четкие и точные формулировки выводов эксперта в экспертизе.

В связи с указанным, можно констатировать, что анализ практического материала показывает, что существуют некоторые трудности на пути к процессуальному познанию, что может

порождать проблемы в оценке экспертных заключений при доказывании по делам об изнасилованиях и убийствах. Судьи не всегда уделяют внимание проверке обоснованности вывода молекулярно-генетической экспертизы и не всегда обладают достаточными знаниями об экспертных ошибках и препятствиях, не позволяющих оценить достоверность таких заключений и правильность действий эксперта. Еще больше трудностей возникает в случаях, когда уголовные дела рассматриваются с участием присяжных заседателей, которые не обладают познаниями в области ДНК-исследования и на слух заслушивают выводы экспертиз в судебном заседании, тем самым вынуждены соглашаться и принимать все выводы экспертиз по сложным уголовным делам как достоверность.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что метод ДНК-анализа, доказавший свою эффективность является одним из приоритетных направлений развития криминалистики в Российской Федерации. В современной действительности существует необходимость в совершенствовании правовой базы, тактических рекомендаций, касающихся представления суду, а также присяжным заседателям по делам об убийствах и изнасилованиях.

Библиографический список используемой литературы:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017).
2. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
3. Бородавко Л. Т., Свистильников А. Б., Шарутенко В. Н. Отдельные аспекты использования генетической экспертизы в деятельности органов внутренних дел // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 8 (48).